

К. Ю. Ершов

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ В США: ЭЛИТА ИЛИ МАРГИНАЛЫ?

Русская эмиграция первой послереволюционной волны, часто называемая белой, — явление уникальное, беспрецедентное в мировой истории по своим масштабам и вкладу в мировую и российскую культуру. Эмигранты первой волны не только сохранили, но и приумножили многие традиции российской культуры. Ведущий российский историк первой волны эмиграции М. В. Назаров писал об этих людях: «Именно ими были вписаны многие блестящие страницы в историю мировой литературы, науки, балета, театра, кино, живописи и т. д. Именно ими был создан “материк”, не обозначенный ни на одной карте мира, с названием “Русское зарубежье”»¹.

Географически эта эмиграция из России была прежде всего направлена в страны Европы. Основными центрами русской эмиграции первой волны стали Париж, Берлин, Прага, Белград, София. Значительная часть эмигрантов оседала также в Харбине, а в первое время — в Константинополе.

В Соединенные Штаты Америки эмиграция из России после 1917 г. попала не сразу, а лишь после длительных скитаний по всему свету. В США русская колония была и до 1917 г., но в основном это были крестьяне, малая часть — предприниматели и торговцы. «Новые» эмигранты были высокообразованными, профессионально подготовленными людьми из высших слоев русского общества, многие из которых являлись известными учеными, деятелями науки и искусства. Эту часть эмиграции часто называли новой русской колонией.

Эмигранты первой волны считали свое изгнание вынужденным и кратковременным эпизодом, надеясь на скорое возвращение в Россию после быстрого, как им казалось, крушения Советского

государства. Во многом этими причинами вызвано их стремление обособиться от активного участия в жизни стран пребывания, нежелание адаптироваться к новой жизни. Они стремились ограничить свою жизнь рамками эмигрантской колонии. Вот как писал об этом известный эмигрантский поэт и публицист С. М. Рафальский: «Как-то стерлась в зарубежной памяти и та блестящая эпоха, когда эмиграция еще пахла пылью, порохом и кровью донских степей, а ее элита по любому звонку в полночь могла представить на смену узурпаторам и полный комплект Совета министров, и необходимый кворум законодательных палат, и Генеральный штаб, и корпус жандармов, и сыскное отделение, и Торговую палату, и Священный синод, и Правительствующий сенат, не говоря уже о профессуре и представителях искусств, в особенности — литературы»².

Первая эмиграция состояла из наиболее образованных представителей высших слоев российского дореволюционного общества с непропорционально большой долей военных. По данным Лиги наций всего Россию после Революции 1917 г. покинул один миллион сто шестьдесят тысяч человек³. Около четверти из них принадлежали к белым армиям, ушедшим в эмиграцию в разное время с разных фронтов.

Их последний крупный контингент, ведущий традицию от первого ядра добровольцев, прибыл в Константинополь в ноябре 1920 г. из Крыма. Россию тогда покинуло около ста пятидесяти тысяч военных и гражданских лиц на ста тридцати судах.

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.

Мой денщик стрелял не мимо —
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда⁴.

Поняв, что от бывших союзников помощи ожидать нельзя, генерал П. Врангель заявил: «Я ушел из Крыма с твердой надеждой, что мы не вынуждены будем протягивать руку за подаванием, а получим помощь от Франции как должное, за кровь, пролитую в войне, за нашу стойкость и верность общему делу спасения Европы. Правительство Франции, однако, приняло другое решение. Я не могу не считаться с этим и принимаю все меры, чтобы перевести наши войска в славянские земли, где они встретят братский прием»⁵.

К 1922 г. русские войска были приняты в основном Югославией и Болгарией: «...увидев в Югославии группу землемеров, вы могли без ошибки сразу заговорить по-русски: картографический институт в Белграде состоял почти сплошь из бывших русских штабных офицеров. Повсюду вы встречали русских железнодорожников, врачей, преподавателей»⁶.

Несмотря на противодействие французов, которые добивались роспуска армейских структур даже при эвакуации, армия была сохранена в виде рассеянного по разным странам Русского общевойскового союза.

Как писал автор «Монмартрского шофера» Е. Тарусский, для большинства понижение социального статуса было столь резким, что некоторые офицеры стыдились сообщать иностранцам свои звания. Однажды немецкая газета с удивлением сообщила, что у крестьянина двадцать лет пробатрачил русский эмигрант, и лишь после его смерти из бумаг стало известно, что он был генералом: «Попав в тяжелое положение, которое, по его мнению, было несовместимо с генеральской честью, он не пожелал раскрыть своего прошлого и вызвать этим сочувствие, сострадание...» Щепетильный в вопросах чести, «русский человек готов был работать через силу, чтобы только не услышать замечания»⁷.

«Нигде русские офицеры-рабочие не поглощались общей массой. Они образовывали как бы русские колонии при заводах...

В их среде были широко развиты правила взаимной выручки и поддержки... Они жили как бы двойной жизнью: днем — тяжелая работа, а после нее они снова становились мичманами, капитанами, генералами... И если русский офицер мог владеть с великим моральным и физическим напряжением свою первую жизнь, то только потому, что эти силы ему давала его вторая жизнь... Мысль о том, что эта бессрочная каторга кончится в момент освобождения Отечества, — только эта мысль поддерживала и давала все новые силы русскому офицеру»⁸.

В США начиная с 1910-х гг. велся жесткий контроль за всеми въезжающими в страну. Иммиграционные законы 1917, 1921 и 1924 гг. ввели очень строгие правила, четко ограничивающие категории людей, имеющих право получения вида на жительство. А квоты на число въезжающих из каждой страны существенно ограничили число русских эмигрантов. Наконец, сложная процедура оформления во многом затрудняла переселение эмигрантов из России. Попытки представителей русской диаспоры повлиять на смягчение иммиграционных законов, принимаемых сенатом, не имели особенных успехов, хотя следует отметить принятую по предложению русских эмигрантов поправку «О положении виз», по которой нансеновские паспорта стали иметь юридическую силу в США.

Параллельно с эмиграцией в конце 1910-х гг. в Америке шел процесс реэмиграции — жители «старой колонии» горели желанием вернуться на Родину и работать на ее благо. Пиком реэмиграции стал 1921 г., когда число въезжающих в США из России составило 2 887 человек, а выезжающих в Россию — 11 085 человек. Но потом численность реэмигрантов резко упала⁹.

Согласно данным Бюро переписи населения США, в 1920 г. в стране проживало 1 400 495 человек, указавших местом рождения территорию, где находится СССР. Из них около 800 тысяч жили в Америке с 1910 г. Следовательно, можно предположить, что около полумиллиона человек из них были представителями белой эмиграции. Интересно, что в 1930 г. число людей, указавших местом рождения ту же территорию, осталось лишь 1 153 628 человек. Это можно объяснить естественной ассимиляцией и смертью людей¹⁰.

Осознав окончательно свой статус, эмигранты стали вести активную политическую и общественную деятельность. Были созданы многочисленные политические организации, в том числе, монархические, анархистские и социал-демократические.

К монархическим организациям того времени можно отнести Русское национальное общество и Союз единства. Первое общество объединяло интеллигенцию в США и Европе, а Союз единства — рабочих и крестьян в Америке. В начале 1920-х гг. наблюдался рост монархических настроений в среде русских эмигрантов США, и эти организации обладали большим авторитетом. Но ряд крупных финансовых афер этих организаций привел к разочарованию в них жителей русской колонии, и уже в середине 1920-х гг. реального политического влияния у этих организаций не было: занятые в большей степени коммерческими делами, они потеряли поддержку в рядах русских эмигрантов.

Довольно близко к ним стояли анархисты, которых в русской эмигрантской печати часто называли анархо-монархистами. В среде русских рабочих и крестьян анархистские настроения были нередки, но после еще одного подобного финансового скандала влияние анархистов также резко упало.

Что касается социал-демократических организаций, то они представляли собой многочисленные кружки, в большей степени занимавшиеся просветительской, нежели политической, деятельностью. При каждом кружке существовали начальные школы, проводились различные вечера, читались публичные лекции.

На общественную и культурную жизнь русских эмигрантов наложили отпечаток реалии американской жизни. Получить приличную работу мог только тот, кто имел американский диплом, поэтому они должны были закончить американскую школу, а русские школы посещали лишь два-три раза в неделю по вечерам. Организовать деятельность русских школ в США удалось лишь в конце 1920-х гг. Большое значение имел I Русский педагогический съезд (1929) и создание Педагогического бюро, деятельность которого способствовала объединению русских школ в США. Школы давали элементарные знания по истории, литературе, географии и религии на русском языке. Попытки создать высшие

учебные заведения в США практически не имели успеха из-за финансовых трудностей. Лишь одно учебное заведение — вечерний Русский народный университет — имело твердую финансовую почву. Преподавателями университета были известные ученые и общественные деятели, организаторы Дней русской культуры в США, литературных вечеров и публичных лекций.

Русские ученые внесли огромный вклад в американскую науку. В основном это были представители технических и естественных наук, которые получили в США реальные возможности для реализации своих идей (например, И. Сикорский, В. Ипатьев, Добжанский и др.). Среди ученых-гуманитариев выделялась фигура М. И. Ростовцева, избранного президентом Американской исторической ассоциации в 1935 г., так как изучение России в 1920—1930-е гг. в США было напрямую связано с представителями русского зарубежья — историками, философами, экономистами, общественными и партийными деятелями, ставшими после вынужденной эмиграции из России ведущими специалистами в американских университетах. К 1935 г. история России изучалась более чем в тридцати американских университетах и колледжах. А в Колумбийском, Гарвардском и Калифорнийском университетах по истории России защищалась треть всех диссертаций.

Таким образом, в США русскими эмигрантами была создана система образования (от начального до высшего), система научных институтов и обществ, разветвленная сеть издательств и периодической печати, были продолжены русские традиции в различных жанрах искусства (архитектура, балет, театр, кино, музыка и др.), русская литература за рубежом стала самобытным и ярким явлением мирового искусства, сложилась инфраструктура русских зарубежных архивов, музеев и библиотек и др.

«Невозможным было бы сохранить русскую культуру, пронести свою миссию через тяжелые годы изгнания без православной веры. Русские эмигранты смогли полностью воссоздать за рубежом институты и проявления жизни дореволюционной России. Конечно, это не был слепок со старой России. Получилось нечто иное, что принято называть русским зарубежьем»¹¹.

Главной опорой для многих была православная вера и зарубежная Русская православная церковь, объединяющая всех русских, вынужденно оказавшихся за рубежом. Например, эмиграция жила и отмечала русские праздники по церковному календарю. Кроме того, проводились Дни русской культуры (6—8 июня, связанные с днем рождения А. Пушкина). В более правых кругах таким русским праздником был День Св. Владимира (15 июля). Общим был День непримиримости (7 ноября).

Идеализированный образ белой России, культивируемый в эмигрантских организациях, был очагом любви к Родине и в то же время — ненависти к власти, «осквернившей» Богом данную ей чистоту.

Родина, к тебе нельзя прийти...
Я в слезах протягиваю руки
И клянусь учиться и расти,
И любить, любить Тебя в разлуке.

О России младшим говорю,
Начиная: «В некотором царстве»...
Вам мечту суровую дарю
О могучем Русском Государстве!

Пусть придет строитель и герой,
Как пришел Великий Петр когда-то!
Родина... навеки мы с тобой
Связаны таинственно и свято...¹²

В заключение стоит отметить главное отличие русской послеоктябрьской эмиграции от эмиграций всех других стран и народов. Оно состоит в сохранении ею высшего духовного начала, культуры своей Родины, противодействии адаптации и ассимиляции. Русские эмигранты в большинстве своем никогда не становились американцами, французами, англичанами, немцами и т. д. российского происхождения. Они всегда оставались русскими, православными, всегда верили в возрождение национальной России, всегда верили, что их подвиг не будет напрасным. Как сказал И. Бунин: «Мы не в изгнании, мы в послании...

Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас»¹³.

¹ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 2.

² Цит. по: Эмиграция и репатриация в России / Под ред. А. А. Бондарева. М., 2001. С. 89.

³ См.: Вендина О. И. Русские за рубежом России // География. 2001. № 13. С. 128.

⁴ Туроверов Н. Н. Крым // Белая лира: Антол. поэзии Белого движения. Смоленск, 2006. С. 105.

⁵ Политическая история русской эмиграции, 1920—1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 105.

⁶ Устинкин С. В. Офицерский корпус Белой гвардии и его вклад в сохранение русской культуры в эмиграции // Рос. интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы. М., 2001. С. 206.

⁷ Тарусский Е. Беседы на бивуаках // Часовой. 1938. № 207.

⁸ Мышалова Д. В. Очерки по литературе русского зарубежья. Новосибирск, 1995. С. 2.

⁹ См.: Латынова А. В. Русские в США в 1920-е гг. // Россия в XX в. М., 1998.

¹⁰ См.: Gibson C. J., Lennon E. Historical Census Statistics on the Foreign-born Population of the United States, 1850—1990. U. S. Bureau of the Census, Washington, D. C. [Electronic resource]. <http://www.census.gov/population/www/documentation/twps0029/twps0029.html>.

¹¹ Попов А. В. Три завета: Духовное наследие русской интеллигенции в эмиграции // Рос. интеллигенция: критика ист. опыта. Екатеринбург, 2001. С. 100.

¹² Колосова М. Наше государство // Строфы века: Антол. рус. поэзии / Сост. Е. Евтушенко. Минск; М., 1995. С. 270.

¹³ Цит. по: Попов А. В. Указ. соч. С. 101.

А. Г. Нестеров

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: КАРЛО АЛЬБЕРТО БИДЖИНИ

Итальянская Социальная Республика (Repubblica Sociale Italiana, RSI, РСИ), более известная как Республика Сало — по названию одной из правительственных резиденций, существовала в Северной и Центральной Италии с 18 сентября 1943 г. до 25 апреля 1945 г.